

ТАНАТАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ НЕГАНТРОПНОЙ БИОПОЛИТИКИ

Попов Д. В.

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии, Омская академия Министерства внутренних дел России (Россия), 644123, Россия, Омск, ул. Конева, д. 12, DmitriVPopov@mail.ru

УДК 1:32

ББК 66.01

Цель. Исследование сущности негантропной (человекоотрицающей) биополитики.

Методы. На основе антропологических исследований современных дисциплинарных социальных институтов, предпринятых М. Фуко, Дж. Агамбеном, Д. Аджемоглу и др., осуществляется попытка анализа негантропной биополитической стратегии.

Результаты. Негантропная биополитика является не преодоленным до сих пор исторически широко распространенным явлением. Основание негантропной биополитики составляют укорененные в обществе экстрактивные социальные институты. Экстрактивность порождает социальное расслоение, усиление репрессивных и идеократических институтов государства, окончательно подавляющих большинство населения. Негантропная биополитика основывается на танатальном отношении к человеку, разрушительном для его жизненного пространства.

Научная новизна. Научная новизна заключается в моделировании и изучении негантропной биополитики. В статье рассматриваются формы, основание и танатальная сущность негантропной биополитики. Артикуляция и анализ биополитических стратегий важны для современного мира ввиду наличия актуальной возможности реванша танатальных негантропных биополитических стратегий.

Ключевые слова: антропология, биополитика, право, политика, разум, экстрактивные социальные институты.

TANATAL BASIS OF NEGANROPIC BIOPOLITICS

Popov D. V.

candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia), 644123, Russia, Omsk, Koneva str., 12, DmitriVPopov@mail.ru

Purpose. Study on nature of neganropic biopolitics.

Methods. Based on anthropologic studies of discipline social institutes by M. Foucault, G. Agamben, D. Acemoglu and others, it is realized an attempt to analysis neganropic (human-deny) biopolitics strategy.

Results. Historically widespread neganropic biopolitics is not overcome until now. Rooted in society extractive social institutions are the base of neganropic biopolitics. The extractive institutes are giving rise to social stratification, the strengthening of repressive and ideocratic institutions of the state, eventually overwhelming most of the population. Neganropic biopolitics is based on tanatal relation to man and may considered as destructive to his living space.

Scientific novelty. Scientific novelty consist of modeling and study of neganropic biopolitics. Forms, basis, tanatal nature of neganropic biopolitics are considered and described in article. Articulation and analysis of the biopolitical strategies important for the modern world because of the presence of actual possibility of revenge of neganropic biopolitical strategies.

Key words: anthropology, biopolitics, law, politics, ratio, extractive social institutes.

Категорический императив «Канта» гласит: «В лагере убивает большая пайка, а не маленькая» [1, с. 188]. «Кант» – один из «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова. В нем Шаламов пишет: ««Кант» – это

широко распространенный лагерный термин. Обозначает он что-то вроде временного отдыха, не то что полный отдых... а такую работу, при которой человек не выбивается из сил, легкую временную работу»

[1. с. 73]. Безымянный герой рассказа – «доходяга», «фитиль» – отправлен на заготовку стланика – легчайшую из работ. «После многих месяцев работы в обледенелых разрезах, где каждый замороженный до блеска камешек обжигает руки, после щелканья винтовочных затворов, лая собак и матерщины зрителей за спиной работа на стланике была огромным, ощущаемым каждым усталым мускулом удовольствием» [1. с. 73]. Измученный телом, но еще не сломленный духом человек вполне по-кантиански восторгается миром, хотя, возможно, и не достигает метафизических вершин философа. «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне», – писал классик. Природа и товарищество – земные проекции Вселенной и абсолютной морали – еще живы в душе каторжанина: «Хорошо было, грея руки о банку с дымящимися головешками, не спеша идти к сопкам, таким непостижимо далеким, как мне казалось раньше, и подниматься все выше и выше, все время ощущая как радостную неожиданность свое одиночество и глубокую зимнюю горную тишину, как будто все дурное в мире исчезло и есть только твой товарищ, и ты, и узкая темная бесконечная полоска в снегу, ведущая куда-то высоко, в горы» [1. с. 73].

Легчайший труд и оплачивался соответственно: «Мы едва успели получить свой суп и чай. На этой легкой работе вторых блюд не полагалось» [1. с. 74], – однако подобная маленькая пайка и сохраненные силы стоили дороже, чем большая пайка перевыполненной нормы особо тяжелых работ, не компенсировавшая затрат энергии.

«Доходяга» – образ, к сожалению, повторяющийся в мировой истории. Доходяг можно увидеть в концентрационных лагерях Германии, в советском ГУЛАГе, в испанской Америке на серебряном руднике в Потоси, на плантациях хлопка в рабовладельческих южных штатах США, на сборе сахарного тростника на Эспаньоле, Ямайке или Кубе, в бельгийском Конго или германской Намибии, в английских концентрационных лагерях времен англо-бурской войны. Везде, где существовало узаконенное рабство, а равно любые замещающие его формы, обнаруживаются доходяги. Конечно, не всякая форма зависимости приводила к опасной грани между жизнью и смертью, но всякая форма зависимости содержит в себе подобный потен-

циал. Одно и то же существо – доведенное до состояния «голой жизни» (Дж. Агамбен) – становилось частью экономической системы различных обществ. Доходяги – мирмидоняне¹ наоборот – люди, редуцированные до муравьев.

Порою сходство с муравьями значительно. Например, вот выдержки из свода правил лагерной жизни: «7. Заключение обязаны не только выполнять, но и перевыполнять ежедневные рабочие нормы. Пренебрежение нормами работ на день или их невыполнение приравнивается к ведению подрывной деятельности и наказывается немедленным расстрелом. Каждый заключенный несет персональную ответственность за выполнение своей рабочей нормы... Установленные сотрудниками охраны рабочие нормы изменению не подлежат. 8. В нерабочее время любые личные контакты между разнополыми заключенными строго запрещены. Вступившие в физическую сексуальную связь без предварительного на то разрешения расстреливаются немедленно. В нерабочее время запрещается любое общение заключенных противоположных полов без предварительного на то разрешения...»².

Бросается в глаза исключительное внимание трудовой деятельности и запрет на секс. Именно эти особенности характерны для рабочих муравьев (или термитов). Их жизнедеятельность – фуражирование, благоустройство муравейника (термитника), уход за потомством – во многом копируется «человьями» (А. А. Зиновьев). Однако уместна лишь аналогия. Человеческое сообщество, каким бы оно ни было, всегда остается человеческим.

«Животное – не более чем раб, придавленный к земле... А человек – первый вольноотпущенник творения; он ходит выпрямившись. В нем – весы, на них взвешивает он добро и зло, истину и ложь; он может искать, он может выбирать... человек – царь; таков он в своей вольности, таков и тогда, когда злоупотребляет своей свободой. У него право выбирать, даже выбирать и все самое скверное; и он повелевает себе, даже обрекая себя на все самое низкое, по своему выбору» [2, с. 102–103].

В человеческом сообществе руководит мысль, какой бы извращенной она не была. С другой стороны, даже у муравья в муравейнике свободы больше, чем у чело-вья в лагере смерти. Рабочие муравьи, например, могут убить матку, не достаточно эффективно справляющуюся с репродуктивной функцией, и заме-

¹ Согласно мифу, Эак, дед Ахиллеса, потерял весь свой народ во время мора, насланного Герой. Но по его просьбе его отец Зевс превратил в людей муравьев, и поэтому новый народ стал называться «мирмидоны».

² Цит. по: Харден Б. Побег из лагеря смерти. М., 2015. [электронный ресурс]. URL.: http://lks.lt/knygos/pabegimas_is_lagerio.pdf (дата обращения 19.07.2018). Следует отметить, быт заключенных в КНДР достоверно не известен. Информация, основанная на свидетельстве Шин Дон Хёка, бежавшего из корейского исправительного учреждения, не подтверждена доподлинно. Однако возможность существования подобных правил в лагерях смерти выглядит закономерной.

нить ее другой. Муравьи-солдаты и муравьи-работчие не антагонисты. Муравья никто не удерживает от побега из муравейника, но он и не бежит оттуда. Муравей жертвует собой ради муравейника инстинктивно, человека приносят в жертву исходя из соображений экономической целесообразности выживания большого – за пределами пенитенциарного «человека» (А. А. Зиновьев) – общества. Худшие разновидности человекоубийств – лагеря смерти – конвейеры истребления людей, никогда не желавших там очутиться.

Именно такие социальные пространства являются средоточиями и трансляторами негнотропной – человекоубийствующей – биополитики.

Негнотропная биополитика носит комплексный характер. Она трансформирует человека – его облик, сознание, когнитивные привычки – и социальное пространство, в которое включен человек. Негнотропная биополитика превращает человека в парию, жертву, в пределе – доходягу. Она помещает человека в вакуум отсутствия информации, создает барьеры между ним и обществом, сжигает мосты ресоциализации, окружает изгой аурой порочности, ставит клеймо отверженности. Само социальное пространство «раба» искажено. Изгой не живет в обществе. Пространство изгойства можно назвать скоплением людей (номинальные общности П. Сорокина), но нельзя считать полноценным социумом. Изгойство сплетено особым жизненным укладом, языком, ритуалами.

А. И. Солженицын, развивая метафору архипелага (архипелаг ГУЛАГ), пишет о туземцах-островитяках, населяющих его. «Наши туземцы занимают вполне определенную общую территорию (хотя и раздробленную на острова...), где другие народы не живут. Экономический уклад их однообразен до поразительности: он весь исчерпывающе описывается на двух машинописных страницах (котловка и указание бухгалтерии, как перечислять мнимую зарплату эков на содержание зоны, охраны, островного руководства и государства). Если включать в экономику и бытовой уклад, то он до такой степени единообразен на островах (но нигде больше!), что переброшенные с острова на остров эки ничему не удивляются, не задают глупых вопросов, а сразу безошибочно действуют на новом месте («питаться на научной основе, воровать как сумеешь»). Они едят пищу, которой никто больше на земле не ест, носят одежду, которой никто больше не носит, и даже распорядок дня у них – один по всем островам и обязательен для каждого эка... Единства науки и изящной литературы мы не можем требовать от эков по той причине, что у них нет письменности... Именно ясно выраженный народный характер сразу замечает исследователь у эков. У них есть и свой фольклор, и свои образы героев. Наконец, тесно объединяет их еще один уголок культуры, который уже неразрывно сливается

с языком и который мы лишь приблизительно можем описать бледным термином матерщина (от латинского mater) [3, с. 403–405]».

Социум человека носит искусственный характер, он смоделирован по лекалам, удобным для надзора, контроля, производства, но не для жизни. Искусственный человек антропо-не-соразмерен. Совершенно не случаен прототип лагерей будущего – Паноптикон И. Бентама, теоретически осмысленный М. Фуко. ««Паноптикон» Бентама – архитектурный образ этой композиции. Принцип его нам известен: по периметру – здание в форме кольца. В центре – башня. В башне – широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Кольцеобразное здание разделено на камеры, каждая из них по длине во всю толщину здания. В камере два окна: одно выходит внутрь (против соответствующего окна башни), а другое – наружу (таким образом вся камера насквозь просматривается). Стало быть, достаточно поместить в центральную башню одного надзирателя, а в каждую камеру посадить по одному умалишенному, больному, осужденному, рабочему или школьнику. Благодаря эффекту контржурного света из башни, стоящей против света, можно наблюдать четко вырисовывающиеся фигурки пленников в камерах периферийного «кольцевого» здания. Сколько камер-клеток, столько и театров одного актера, причем каждый актер одинок, абсолютно индивидуализирован и постоянно видим. Паноптическое устройство организует пространственные единицы, позволяя постоянно видеть их и немедленно распознавать [4, с. 292–293]». Прозрачность, обозримость пространства, предсказуемость событий, подконтрольность – характеристики идеальной точки для наблюдателя за скоплением «человеков». Искусственная, синтетическая среда – отнюдь не жилище для человека, а транзитная зона – вечный временный порядок пребывания вне нормальной среды обитания. Этот транзитный терминал – точка для перемещения в зону трудовой деятельности (или в грядущую свободу, или – в пределе нацистского концлагеря – жизненное пространство пребывания человека перед последней дорогой к неизбежной смерти). Искусственно и условно все, окружающее человека. Баланда – карикатура на человеческую пищу, нары – на место отдыха. Окружающее человека искусственно в силу искусственности самого человека – человека, редуцированного до примитивных потребностей и образа жизни.

Крайней формой негнотропной биополитики является планомерное истребление людей. Социальной формой организации подобного процесса стал концентрационный лагерь. Методом истребления являлся систематический геноцид – антропоцид (нередко принимавший форму геноцида). Крайней степенью дегградации человека накануне смерти стало т.н. состояние

«мусульманина» (Дж. Агамбен). Это состояние характеризуется окончательным расчеловечиванием и редукцией к «голой жизни» – последнему биологическому пределу человека, в котором практически угасло сознание, но еще не прекратились инстинктивные реакции. «На лагерном жаргоне он зовется *der Muselmann*, мусульманин. В так называемом *Muselmann* – на лагерном языке этим словом называли узника, оставившего всякую надежду и оставленного товарищами, – угасала та область сознания, в которой противостоят друг другу добро и зло, благородство и низость, духовность и бездуховное. Он превращался в ходячий труп, в средоточие физических функций агонизирующего тела... [5, с. 43–44]».

Следует отметить, параноидальные формы антропоцида, характерные для нацистских концентрационных лагерей, – логическое завершение, но не преобладающая стратегия негантиропной биополитики. Испанцы жаждали серебра, а не смерти индейцев, бельгийцы эксплуатировали конголезцев из алчности, а не ради чистого душегубства, английские сахарозаводчики ввозили рабов на плантации сахарного тростника для увеличения прибыли. «Рабство имело огромное экономическое значение... Рабы сажали тростник, ухаживали за ним, собирали, давили сок и выпаривали его в огромных чанах... Однако сырьем для сахарной промышленности служил не только тростник, но и люди. К 1750 году в английские колонии в Карибском море было перевезено около восьмисот тысяч африканцев, однако уровень смертности был настолько высок, а уровень воспроизводства настолько низок, что число рабов все равно не превышало трехсот тысяч. Опыт позволил барбадосскому плантатору Эдварду Литтлтоу вывести следующий принцип: плантатор, у которого есть сто рабов, ежегодно должен покупать еще восьмерых или десятерых, «чтобы сохранить свои запасы»... [6, с. 125, 131–132]».

Изуверский антропоцид ради антропоцида обнаруживается разве что в произведениях Г. Лавкрафта, в которых сквозь тонкую и хрупкую оболочку человеческой цивилизации норовят проникнуть превосходящие воображение человека инородные силы, способные и желающие уничтожить человечество. Великий мистификатор в своих произведениях намекал на существование абсолютных человеконенавистнических культов (например, в «Зове Ктулху») и систем знаний (древний манускрипт «Некрономикон»), а также на реальность как адептов подобных практик, так и ино-мерных существ, жизнь которых и существование людей не совместимы. «На перекрестках своих коммуникационных путей человек построил гигантские уродливые мегаполисы, где каждый, изолированный в анонимной квартире посреди многоквартирного дома, в точности похожего на другие такие же, считает

себя безусловным центром земли и мерой всех вещей. Но под норками, выкопанными этими землероющими насекомыми, очень древние и очень могущественные существа медленно просыпаются ото сна. Они были уже в каменноугольный период, они были уже в триасовый и пермский; они знали писк первого млекопитающего, узнают они и хрип агонии последнего» [7, с. 35–36]. Лавкрафт открыл вселенную бездны скрытых угроз, творцы негантиропных биополитических стратегий были людьми прагматичными и преследовали вполне земные цели. В негантиропной биополитике обнаруживается собственная политическая экономия. Она основывается на циничном расчете, экстрактивной модели извлечения прибыли, укреплении экстрактивных политических институтов, социальной дифференциации, усилении репрессивного аппарата, идеологическом прикрытии вмешательства в экономику и мифологизации.

Следуя логике М. Фуко, согласно которой «политическая экономия... есть в своем основании то, что позволило утвердить самоограничение правительственных интересов [8, с. 28]», следует признать, что «концентрационный универсум ГУЛАГа» [8, с. 170] выходит за рамки такой политической экономии: ГУЛАГ – следствие неуклонно расширяющейся практики политического интервенционизма правительства. Выстроенный в СССР гибрид пенитенциарного учреждения и экономического предприятия – печальное свидетельство политического вмешательства в экономику, находившуюся на грани краха.

Фуко в «Рождении биополитики» обосновывает целесообразный экономический (исключительно по необходимости и только рыночными инструментами!), юридический и социальный интервенционизм правительства, формирующий «экономико-институциональный, экономико-юридический капитализм» [8, с. 223]. При этом «государство, публичная власть всегда вмешивается в экономический порядок в форме закона, и внутри этого закона, если публичная власть эффективно ограничивается этими легальными вмешательствами, может возникнуть экономический порядок, который будет одновременно результатом и принципом своей собственной регуляции» [8, с. 223]. Подобная политика в конечном итоге создает собственника, имеющего достаточный доход и умеющего экономически планировать жизнедеятельность – человека-предприятие, – что, в свою очередь, закладывает здоровую основу для инвестиций в человеческий капитал (в первую очередь со стороны самого *homo oeconomicus*) – а это и есть отправная точка человекоутверждающей (конфирмантропной) биополитики. Политическая экономия универсума ГУЛАГа формируется полярно – она использует политические решения, исключает рыночные отношения, не инвестирует в человеческий капи-

тал, а выбирает его до последней капли. Не человек-предприятие, homo oeconomicus, «антрепренер себе самому... который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов» [8, с. 285], а новое крепостное право: «Весь главный смысл существования крепостного права и Архипелага один и тот же: общественные устройства для принудительного и безжалостного использования дарового труда миллионов рабов» [3, с. 118].

Формирование экономики, основанной на подневольном и/или малоэффективном труде, поддерживаемой властвующей элитой, нередко ведет к полномасштабному биополитическому кризису.

Яркой иллюстрацией нисходящей спирали негантиропной биополитики являются события 1994 г. в Руанде. Руанда – занимающая скромную территорию чрезвычайно густонаселенная африканская страна. Благоприятный климат, плодородные почвы, низкий уровень тропических болезней создали условия для жизни в этом регионе. Обретя независимость, Руанда встала на путь экстенсивного развития сельского хозяйства. Бурный рост населения (связанный с успехами медицины, гигиены, полномасштабным использованием территории, открывшимися возможностями трудовой деятельности в условиях постколониализма), с одной стороны, и малоэффективная аграрная экономика, с другой, стали причиной «наихудшего развития мальтузианского сценария» [9, с. 452]. Видимой причиной широкомасштабного геноцида в Руанде стал нерешенный застарелый конфликт между племенами хуту и тутси. Обласканные еще колониальными администрациями скотоводы-тутси (около 15 % населения) имели социальные преимущества по отношению к земледельцам-хуту (около 85 %). В условиях кризиса, вызванного засухой, на фоне противоборства различных группировок в борьбе за власть, имея сформированные годами страхи и предрассудки в качестве бэкграунда, резня в Руанде вспыхнула мгновенно и унесла жизни около 1 млн человек (в основном тутси). Однако, более весомым элементом причинного основания геноцида является биополитический кризис, в котором переплетаются демографические, экологические, экономические и политические составляющие. Возрастающая перенаселенность Руанды привела к катастрофической нехватке земли, предельному сокращению земельных наделов, внутрисемейным и общинным

конфликтам, судебным тяжбам, чрезвычайному росту социальной напряженности, существенному ухудшению экологической обстановки, обвальной деградации жизненных условий как для хуту, так и для тутси. Демографический взрыв подорвал экологические ресурсы Руанды. Экономика и политика довели ситуацию до социального коллапса.

Руанда – страна, специализирующаяся на сельскохозяйственной продукции. А, значит, страна, зависящая от ухудшающейся конъюнктуры цен в силу значительной конкуренции на сельскохозяйственном рынке. «Страны, поставляющие сырье другим странам, рано или поздно окажутся в ситуации, когда отдача их деятельности станет убывающей. Закон убывающей отдачи гласит, что если один производственный фактор имеет природное происхождение (как в сельском хозяйстве, рыболовстве или добыче полезных ископаемых), то рано или поздно увеличение вложений капитала и / или труда приведут к производству все меньшего количества продукции на единицу труда или капитала» [10, с. 138]. «Страны, специализирующиеся на видах деятельности с убывающей отдачей, начинают «специализироваться» на бедности» [10, с. 141].

Неспособность (или невозможность) правительства Руанды стимулировать развитие иных – не аграрных – секторов экономики, потворство развитию негативного экономического сценария в стране, эскалация межплеменного конфликта завели страну в тупик. В результате уже после резни 1994 г. «можно нередко услышать, как руандийцы утверждают, что война была необходима, чтобы уничтожить избыток населения и привести его численность в соответствие с имеющимися земельными ресурсами» [9, с. 449]. Сам же биополитический кризис, в ходе которого хуту убивали как тутси, так и зажиточных по меркам Руанды хуту, а тутси убивали хуту, стал манифестом борьбы за выживание, в ходе которой «люди, чьи дети вынуждены были ходить в школу босиком, убивали тех, кто мог купить своим детям обувь» [9, с. 453].

Африка дала миру целую галерею режимов, реализующих различные модификации негантиропной биополитики. Достаточно вспомнить режимы Жана-Беделя Бокассы¹ (ЦАР), Мобуту Сесе Секо (Заир-ДРК), Иди Амина (Уганда), Гнассингбе Эйадемы (Того), лидера социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мириама. В каждом случае с разной степенью интенсив-

¹ См., например, цикл статей, опубликованных новостным порталом lenta.ru: Иди Амин: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/04/01/bolshoj_papa/ (дата обращения 18.08.2018). Пол Пот: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/07/15/pol_pot/ (дата обращения 18.08.2018). Франсуа Дювалье: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/02/18/voodoo_people/ (дата обращения 18.08.2018). Мобуту Сесе Секо: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/01/21/mobutu/?utm_source=lenta (дата обращения 18.08.2018). Маркос: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/02/04/mne_b_tak_zhit/ (дата обращения 18.08.2018). Бокасса: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/03/04/nyam_nyam/ (дата обращения 18.08.2018). и т.д.

ности диктаторы разрушали экономику собственной страны и создавали невозможные условия жизни для населения. Современные ЦАР, ДРК, Эфиопия, Сьерра-Леоне, Либерия, а равно мезоамериканское Гаити (после режимов «Папы Дока» и «Бэби Дока» Дювалье) или азиатская Камбоджа (после режима Пола Пота) – беднейшие страны мира с незарубцевавшимися следами жестоких социальных экспериментов. Каждому режиму были свойственны авторитаризм, экономическая несостоятельность, волюнтаризм, кровожадность. В каждом случае политические администрации занимались «вивисекцией» социального организма собственного государства.

Даже СССР – страна развитой промышленности и образования – являлся проводником негантропной биополитики не только в рамках политической экономики большевизма-сталинизма, но и на всем протяжении своего существования, например, в отношении крестьянства. «Мы 70 лет упорно доказывали человечеству неправоту Льва Троцкого, настаивавшего на том, что «принудительный труд при коммунизме будет более производителен, чем труд крестьянина-частника на собственной земле»¹. «Только с дальнего подхода колхоз кажется системой прямой эксплуатации деревенщины. Формой устойчивого рабовладельческого хозяйства, весьма эффективной для оголтелой государственной власти и варварски расточительной с точки зрения ресурсов национального развития. Возможно, что так он и задумывался, но получился много хитрее. На протяжении четверти века сталинский колхоз ни в одной отрасли сельского производства не мог существовать без демонстративно презираемого большевизмом индивидуального крестьянского хозяйства. Анализ взаимосвязи двух хозяйственных антиподов показывает, что оскорбительным нищенством мы обязаны исключительно колхозу, а фактом экономического и национального выживания – самостоятельным хозяйственным усилиям сельского населения России» [11, с. 765].

Основной проводник негантропной биополитики – экстрактивные экономические и политические институты. Экстрактивные экономические институты направлены «на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части» [12, с. 89]. Экстрактивные политические институты «концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее в том, как и на что это власть может употребляться» [12, с. 95]. Диалектика, «синергия между экстрактивными экономическими и экстрактивными политическими институтами

способствует их взаимному укреплению: политические институты позволяют властной элите сформировать экономические институты, которые не накладывают ограничений на саму элиту и препятствуют появлению новых крупных игроков» [12, с. 95]. Вместе они порождают «порочный круг: те, кто выигрывает от сохранения статус-кво, лучше организованы и располагают более значительными ресурсами, что позволяет им блокировать любые важные изменения, угрожающие их экономическим привилегиям и доступу к власти» [12, с. 123]. В результате возникает практически неуязвимая система управления, крайне разрушительно воздействующая на население. Формируется устойчивый вектор негантропной биополитики, благоприятный исключительно для незначительной части населения, интегрированной во власть. Институциональное закрепление основанной на экстрактивности негантропной биополитики довершается формированием пропагандистской машины, эксплуатирующей тематику внешнего врага, национального единства, народной природы власти, рывка в благополучное будущее и т.д. Наличие латентного конфликта между элитой и населением усугубляет формы негантропии, поскольку вынуждает власть пресекать все возможные попытки полноценно включиться в экономический и политический процесс. Нередко формируются условия – «экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка» [13, с. 35], – при которых «общество переходит в состояние неустойчивого равновесия», что, при наличии любого неблагоприятного события, «может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, – и тогда произойдет революция» [13, с. 35].

Но даже демонтаж негантропной биовласти зачастую не прекращает негантропной биополитики. Полупустые полки современных гаванских магазинов в стране, где почти 40 % пахотной земли и трудлюбивый народ, свидетельствуют о том, что одна форма негантропной биополитики способна успешно заменить другую.

Экстрактивные политические и экономические институты известны испокон веков. Несколько последних столетий, тем не менее, привнесли нечто новое в сочетание указанных элементов. С одной стороны, возникли системы, в которых экстрактивность в политике и экономике достигли исторических максимумов. Это и плантаторское хозяйство, основанное на

¹ См.: Ципко А. Сумасшествие как национальная идея: URL: http://www.ng.ru/ideas/2018-05-17/5_7226_madness.html (дата обращения 18.08.2018).

работоторговле; и промышленный капитализм, первые шаги которого были весьма жестоки; нацизм; социалистические социальные эксперименты в СССР, Китае и других государствах. С другой стороны, в современном мире, как никогда ранее, выражено стремление к полной ликвидации экстрактивности и организации комфортного пространства жизни человека. Продолжительность жизни, активное долголетие, здоровье, комфортные условия труда, безопасность – актуальная повестка современной политики стран-лидеров.

Следует признать, что практически невозможно осуществить точную демаркацию негантропной (человеко-отрицающей) и конфирмантропной (человеко-утверждающей) биополитики. Исторические формы порабощения людей и одновременное развитие цивилизации свидетельствует о повсеместном сочетании элементов обеих стратегий. Как в благополучном обществе возможно бедственное положение людей, так и в тоталитарном государстве есть островки человекоутверждения.

Более того, можно зафиксировать исторический парадокс: жизнеутверждающая (по замыслу) биополитика способна привести к деградации, а жизнеотрицающая (в определенный момент) биополитика может обернуться процветанием и инвестициями в человеческий капитал. Ярким примером является казус Спинхемленда. Речь идет о законодательном акте, в котором были заложены основы широкомасштабного социального проекта: «Мировые судьи графства Беркшир, собравшиеся 6 мая 1795 г., в период жестокой нужды, на постоялом дворе «Пеликан» в Спинхемленде... постановили, что в дополнение к заработной плате беднякам следует выдавать денежные пособия в соответствии со специальной шкалой, привязанной к ценам на хлеб, чтобы нуждающимся был таким образом обеспечен минимальный доход независимо от их заработков» [14, с. 92]. Однако применение закона пришлось на время промышленного рывка в Англии, форсировано развивавшего капиталистические отношения в экономике. Неожиданно закон Спинхемленда, за счет социальной поддержки гарантировавший «право на жизнь» беднейшим представителям английского общества, явился фактором, тормозящим развитие рынка наемного труда, столь необходимого для развития капитализма. Апатия к жизни, нежелание изменений, удовлетворенность гарантированным прозябанием – «непреднамеренные последствия» (Д. Лал) Спинхемленда – плоды, казалось бы, прогрессивного начинания – требовали радикальных мер.

Закон был отменен. «Спинхемленд препятствовал возникновению рабочего класса, теперь же трудящиеся бедняки превращались в подобный класс под неумолимым давлением безжалостного механизма. Если во времена Спинхемленда о людях заботились – как

заботятся обычно о не слишком ценной домашней скотине, – то теперь они должны были заботиться о себе сами, находясь при этом в крайне неблагоприятных обстоятельствах. Если Спинхемленд означал тихую деградацию в домашних условиях, то теперь трудящийся оказался в обществе покинутым и бесприютным... Если Спинхемленд означал медленное загнивание вследствие неподвижности, то теперь главной опасностью была гибель из-за незащищенности» [14, с. 98]. Драматическая смена декораций, негантропная по форме, обернулась многими человеческими трагедиями в ближайшей перспективе, но способствовала тому, что Британская империя стала флагом мировой экономики, уступив место лидера лишь в XX в. Негантропная биополитика отказа от социальной защищенности со временем запустила механизмы конфирмантропной биополитики, в рамках которой «при новом режиме, режиме «экономического человека»» появился современный рабочий класс, а «отвращение к пособиям из общественных средств, недоверие к государственным мерам, чувство собственного достоинства и упорное стремление опираться на собственные силы остались характерными чертами многих поколений британских рабочих» [14, с. 92, 116]. Вместе с тем, историческая трансформация подобного рода отнюдь не является доказательством правоты сторонников крайних мер, болезненных изменений, шоковой терапии. Стратегия «стерпится – слюбится» срабатывает лишь в определенных случаях при наличии определенных условий. Случай Англии – стечение многих обстоятельств, синергия которых дала феноменальный рост экономики и уровня жизни.

В основе долгосрочной биополитической стратегии должно лежать определенное отношение к человеку. Представляется, что это отношение включает в себя определенную экономию человеческих ресурсов, бережное отношение к человеку, жалость. Государство не просто не должно быть «великой разбойничьей организацией» (Августин Аврелий), оно должно приближаться к форме «собираательно-организованной жалости» (В. С. Соловьев). Ставка на «надрыв», «рекорд», перманентную эксплуатацию человека на пределе возможностей, если и дают рост, то платят за него чрезмерную цену.

Можно поставить во главу угла экономический рост любыми средствами. Но «если мы и дальше будем продолжать в том же духе, то пусть из экономики мы душу до конца и не вынем, но она может обрести свой собственный telos (смысл) и начнет функционировать по-своему, а не так, как нам хотелось бы. Нравственный вакуум заполнит иная (возможно, нечеловеческая) мораль» [15, с. 499]. Т. Седлачек настаивает на том, что экономику определяет антропологическая модель, заложенная в ее основание. Важность экономиче-

ской антропологии как составляющей метаэкономики задает форму экономической жизни. При этом «экономика может успешно функционировать не в самых важных сферах нашей жизни. А что касается вопросов здоровья, любви, смерти, банкротства государств, то тут явно действуют другие, более общие правила» [15, с. 503].

Биополитическое определение человека в его основных жизненных проявлениях закладывает фундамент метаэкономики и определяет экономические успехи общества. Или человек для экономических (политических, военных, спортивных и т.д.) успехов или экономика (политика, обороноспособность, физическая культура) для человека. «Тот, кто живет на грани, не должен удивляться, если он ее перейдет. Кто едет на предельной скорости по шоссе, не должен жаловаться, когда с него слетит. Кто, подобно мифическому Икару, летает слишком высоко и слишком близко к солнцу, не должен удивляться, если обожжет крылья, и его падение будет тем глубже, чем выше он летел» [15, с. 510–511]. Казус СССР – страны, ориентированной на достижения, не считающиеся с экономией человеческого капитала, вполне подтверждает данную мысль.

Систематическое пренебрежение человеком способно породить уродливые формы «организованной безжалостности». «Вивисекция» социального организма усиливает негантизмную биополитику, порождая покорность, предрассудки, страхи, контрпродуктивные социальные практики. Однако, «духовные законы и запреты связывают всех людей, в том числе и тех, которые отвергают их или избегают над ними. Человеку дана свобода отвергать их и попирает их; но никогда еще человек и народ, идущий по этому пути, не вел на земле достойной, творческой и прекрасной жизни; напротив, все они разлагались душевно, впадали в общественный беспорядок и смуту и исчезали в духовном небытии» [16, с. 69].

Зримые революционные изменения социальной среды в рамках негантизмной стратегии заключают в себе инволюционную антропологическую модель, в которой человек, редуцированный к «человью» – обслуживающему персоналу «человека», – не развивается, а деградирует. В рамках негантизмной биополитики инвестиции в социальные проекты оборачиваются инфляцией человеческого капитала. В результате долгосрочная негантизмная биополитика на крутых виражах истории способна обернуться социальной катастрофой.

Экстративные социальные институты вынужденным образом – трудно прямо и недвусмысленно утверждать расслоение, игнорирование нужд населения, увековечивание сложившегося статус-кво! – ангажированы, непрозрачны, крайне противоречивы и непоследовательны в деятельности, необоснованно

репрессивны, неизбежно основаны на популизме. Экстративность неминуемо приводит к негантизмной биополитике, попирающей свободу, равенство, достоинство человека. Неравное участие в жизни оборачивается неравным образованием, здоровьем, трудом и отдыхом, продолжительностью жизни и даже смертью – привилегией умереть раньше и, возможно, мучительнее обладают те, кто не имеет привилегии жить комфортнее и безопаснее. В этом своеобразном неравенстве меньшинства и большинства перед лицом жизни и смерти отчетливо проявляется танатальная сущность негантизмной биополитики. Безусловно, всякое общество – даже самое кровавое – для того, чтобы существовать, не принимает абсолютно людоедского лавкрафтианского характера – но, тем не менее, многие общества заходят в своем неуважении к человеку достаточно далеко для того, чтобы сделать жизнь человека предельно проблематичной, а смерть едва ли не желанной. В этом – танатальный смысл негантизмной биополитики.

Литература:

1. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: В 6 т. + т. 7, доп. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты / Сост., подгот. текста, вступ. ст., прим. И. Сиротинской. М.: Книжный Клуб Книголек, 2013. 672 с.
2. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. Ч. 1. М.: Наука, 1977.
3. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Ч. III-IV. М.: Время, 2010. – 560с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
5. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима. М., 2011.
6. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: Астрель: CORPUS, 2013. 560 с.
7. Уэльбек М. Г. Ф. Лавкрафт: против человечества, против прогресса. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
8. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
9. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ Москва, 2008. 762. с.
10. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Высшая школа экономики, 2011. 384с.
11. Базаров А. Хроника колхозного рабства. М.: Возвращение, 2004.
12. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2015.

13. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
14. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
15. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 544с.
16. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. 400 с.
6. Ferguson N. Empire: what the modern world owes to Britain. M.: Astrel: CORPUS, 2013. 560 p.
7. Welbeck M. G. F. Lovecraft: against humanity, against progress. Yekaterinburg: U-Factoria, 2006.
8. Foucault M. The birth of biopolitics. The course of lectures delivered at the College de France in the 1978–1979 school year. SPb.: Science, 2010. 448 p.
9. Diamond J. Collapse. Why do some societies survive and others die? M.: AST Moscow, 2008. 762 p.
10. Reinert E. S. How rich countries have become rich, and why poor countries remain poor. M.: Higher School of Economics, 2011. 384 p.
11. Bazarov A. Chronicle of collective farm slavery. M.: Vozvrashenie, 2004.
12. Ajemoglu D., Robinson J. A. Why some countries are rich, and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty. M., 2015.
13. Goldstone J. A. Revolution. A very brief. M.: Publishing House of Gaidar Institute, 2015. 192 p.
14. Polanyi K. The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time. SPb: Aleteya, 2002. 320 p.
15. Sedlacek T. Economics of Good and Evil. In search of the meaning of the economy from Gilgamesh to Wall Street. M.: Ad Marginem Press, 2016. 544p.
16. Ilyin IA Collected Works: In 10 vols. V. 1 M.: Russian Book, 1996. 400 p.

References:

1. Shalamov V. T. Collected Works: In 6 t. + T. 7, add. T. 1: Stories of the 30-ies; Kolyma stories; Left Coast; Artist of the shovel / Comp., Prep. text, entry. art., approx. I. Sirotsinskaya. Moscow: Book Club Knigovek, 2013. 672 p.
2. Gerder I. G. Ideas to the philosophy of the history of mankind. P. 1. M.: Science, 1977.
3. Solzhenitsyn A. I. Collected works in 30 volumes. V. 5. The Gulag Archipelago: Experience of artistic research. P. III-IV. M.: Time, 2010. 560 p.
4. Foucault M. Supervise and punish. Birth of the prison. M., 1999.
5. Agamben J. Homo sacer. What remains after Auschwitz. M., 2011.